

The background of the book cover features a photograph of a cityscape with several multi-story apartment buildings under a cloudy sky. In the foreground, there is a lush green field with some dark, tilled soil patches.

ВЛАДИМИР НЕМЦЕВ

ВОПРОСЫ О РОССИИ

СВОБОДНАЯ МОНОГРАФИЯ

Владимир Немцев

**Вопросы о России.
Свободная монография**

«Издательские решения»

Немцев В. И.

Вопросы о России. Свободная монография / В. И. Немцев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831028-7

С помощью обращения к творческому наследию русских литературных критиков, писателей, мыслителей автор обобщает комплекс вопросов, связанных с особенностями российской истории, национального самосознания, а также предлагает видение некоторых подробностей. Как образовалась страна под названием Россия, какие идеи питают её, что позволяет жить и помогать другим.

ISBN 978-5-44-831028-7

© Немцев В. И.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Русское прошлое	6
Глава 1. Русь и Россия	7
Глава 2. Русские	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вопросы о России
Свободная монография
Владимир Немцев

© Владимир Немцев, 2016

ISBN 978-5-4483-1028-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Русское прошлое

Российская Федерация преемница СССР. Многим согражданам кажется, что Российской империи. А может быть, мы совсем новая страна? Пожалуй, последнее согражданам вообще предпочтительнее. Но тогда как страна должна выстраиваться – по-американски, по-китайски, по-чилийски, по-германски?.. Голову сломать можно. Впрочем, есть уверенность, что по-российски, многие даже уточняют: по-русски. Но это значит, что мы должны ясно видеть свою историю, точнее, предысторию Российской Федерации. А вот здесь начинаются проблемы. И вообще получается, что мы не представляем куда идём, потому что не знаем откуда...

Но истоки проблемы уходят в глубину веков, и без краткого экскурса в историю этот разговор не получится. Тогда необходимо вспомнить, что собственно Россия в настоящих границах появилась в «бунташном» XVII веке путём присоединения других земель к Московии, в результате географических открытий и мощного развития торговли и предпринимательства. А в следующем веке Пётр I заставил задуматься, кто мы есть, и почему христианский народ, вышедший из Европы, всё время с тоской косится на Азию?

Сейчас называют 4 ноября 1612 года – преодоление Смутного времени – началом *самосознания русской нации*, и даже началом *гражданского общества* в России. Но были ли тогда ещё «Россия» и «русская нация» в современном понимании? Нет, в любом случае это было Великое княжество Московское, Московская Русь или Московия, в которой жили *московиты*. А Россия в собственных границах и русская национальность стали формироваться в XVII веке, а в полной мере возникли уже в XVIII веке. В Московии начала XVII века появилась независимая русская монархия, которая и стала позднее создавать собственную историю и мифологию, которыми мы оперируем по сию пору.

Про рост самосознания народа в следующем столетии писал ещё Р.В.Иванов-Разумник: ««Пётр Россам дал телá, Екатерина – душу», <...> с екатерининской эпохи начинается в России рост общественного самосознания, которое составляет «душу живу» каждого народа...»¹. Только вот в XVIII веке проявились лишь *предпосылки* народного самосознания, которое в полной мере заявило о себе в следующем веке после большой войны за независимость, что мы и рассмотрим далее.

¹ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: В 3-х т. Т. 1. / Подгот. текста, послесл. и примеч. И.Е.Задорожнюка и Э.Г.Лаврик. М.: Республика; ТЕРРА, 1997. С. 41.

Глава 1. Русь и Россия

Н.М.Карамзин замечает в своём историческом труде: «Древний характер Славян являл в себе нечто Азиатское; являет и донныне: ибо они, вероятно, после других Европейцев удалились от Востока, коренного отечества народов. Не Татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют Азиатским обыкновением): мы всё то видели у Славян и Россиян прежде»².

Карамзинское толкование, между тем, не объясняет причин того, почему русы на несколько веков – от монголо-татарского ига – придерживались азиатских обычаев, отойдя от европейских. Например, широко распространённая грамотность в Древней Руси и, особенно в Великом Новгороде, постепенно сосредоточилась в православных монастырях.

И вот к чему пришла Россия в XIX веке. Анализируя отчёт министра народного просвещения за 1857 год, Н.Г.Чернышевский с горечью приводит такие цифры: в России на сто человек имелось 5 человек грамотных, на 60 млн. населения приходилось 2334 школы. «В целой Западной Европе, имеющей около 200 миллионов жителей, не найдется столько безграмотных людей, как в одной нашей родине»³.

И, тем не менее, за год до этого Чернышевский пишет с гордостью: «Россия теперь государство могущественное и богатое, потому что русские, благодаря Петру Великому, стали народом образованным; а всего только пятьсот лет тому назад русские были угнетаемы и разоряемы татарами, потому что были ещё мало образованны»⁴. Да, Россия стала образованной страной, но ещё далеко не на европейском уровне.

Причины этого всегда находили в одном: пришли на раздробленную Русь степняки Чингисхана и не дали развиваться. Но как это происходило, всегда писалось скупо, при этом разговор обычно переходил на «татар»⁵, почему-то берущих обильную дань у послушных русов. И всё это разговор не по существу.

Впрочем, его одним из первых завёл маркиз Астольф де Кюстин почти двести лет назад (хотя Жорж Нива уточняет: «Мысль о русской „азиатчине“ далеко не нова: от Вольтера и Мишле, через марксиста Плеханова, она без значительных изменений дошла до наших дней»⁶): «Купеческое сословие – самое могущественное, древнее и уважаемое сословие в Москве; богатые торговцы ведут жизнь, подобную той, какой наслаждаются азиатские negociанты: это ещё раз доказывает схожесть московских нравов с восточными обыкновениями, столь живописно изображёнными в арабских сказках. Между Москвой и Багдадом столько общего, что, путешествуя по России, утрачиваешь желание видеть Персию: поездка туда

² Карамзин Н. М. История государства российского: В 12-ти томах. Т. V / Под ред. А.Н.Сахарова. М.: Наука, 1993. С. 210—211.

³ Чернышевский Н. Г. Отчёт г. Министра народного просвещения за 1857 год // Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М.: ГИХЛ, 1932—1953. Т. IV. С. 825.

⁴ Чернышевский Н. Г. Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения // Полн. собр. соч... Т. III. С. 626.

⁵ «Татары, татар (самоназв.). Делятся на три осн. этнотерриториальные группы: Т. волго-уральские, Т. сиб. и Т. астраханские. Самыми многочисленными являются Т. волго-уральские, включающие субэтноты казанских Т., касимовских Т. и мишарей, а также субконфессиональную общность кряшен (крещёных Т.). Среди сиб. Т. выделяются тобольские, тарские, тюменские, барабинские и бухарские <...>; среди астраханских – юртовские, кундронские Т. и карагаши <...>. Впервые этноним «Т.» появился среди монг. и тюрк. племен в 6—9 вв., во 2-й пол. 19- нач. 20 вв. он закрепился как общий этноним Т. В 13 в. в составе монголов, создавших Золотую Орду, находились покорённые ими племена (в т. ч. тюркские), называвшиеся «Т.». В 13—14 вв. в результате сложных этнич. процессов, происходивших в Золотой Орде, численно преобладавшие в этом гос-ве кыпчаки ассимилировали все остальные тюрко-монг. племена, но усвоили этноним «Т.». – Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А.Тишков. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1994. С. 320—321.

⁶ Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе / Пер. с фр. Е. Э. Ляминой; предисл. А.Н.Архангельского. М.: Высш. шк. 1999. С. 92.

не сулит ничего нового. <...> Я убеждён, что сегодня в России действительное неравенство сословий куда больше, чем в любой другой европейской стране. Равенство под ярмом здесь – правило, а неравенство – исключение, но там, где правит прихоть, исключения преобладают»⁷.

Натан Эйдельман, соглашаясь, что только монгольское нашествие определило то «азиатское начало», которое обернулось потом на Руси крепостным правом и лютым самодержавием, приводит ещё некоторые объясняющие обстоятельства: в течение первой половины XIX века уже все европейские короли, и до того не бывшие столь абсолютными, как государи и императоры всея Руси, стали конституционными; а средневековые завоеватели с востока принесли побеждённым странам потери, сопоставимые с атомной войной – население там уменьшилось примерно в четыре раза; кроме того, повторяются известные слова Пушкина: «Образующееся (европейское) просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией... Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». Основное отличие от Запада заключалось в слабом развитии городов, промышленности, торговли, буржуазии, – «а где буржуазность, товарность, там крепнут свободы, местные и городские»; управление огромными российскими территориями сложилось не европейское, когда большую роль играет местное самоуправление, выбранное населением и отчасти контролируемое из центра, но централизаторское, когда сверху донизу управляет всеведущая административная власть.

И когда при Иване Грозном население ещё по-европейски продолжало цепляться за самоуправление, а окраины ещё норовили выбирать воевод, то есть, сами пытались ведать своими делами, была введена опричнина. И эта «новая мощная карательная организация», полагает Эйдельман, положила начало «чрезвычайному» и принципиально новому механизму, «с помощью которого можно управлять огромной страной, не поощряя, а, наоборот, гася ростки демократии». «И если так, – заключает публицист, – то в широком смысле слова опричнина не оканчивается ни в XVI, ни даже в XIX веке...»⁸.

Впрочем, тут надо оговориться, что Иван IV создавал основы государственного устройства Московии – *приказы*, как прообразы министерств, составивших в будущем правительство такой обширной страны, как Россия. Ей остро нужны управляющие структуры, деловитые ведомства по целому ряду направлений огромного хозяйства. В XVI веке для Европы, например, подобная проблема возникла в деле управления колониями. И никто не собирался при этом организовывать демократические общественные центры по опеке колониальных пространств и душ... Московское же государство, потом и Россия, колонии в отдалённых землях не создавала, ей достаточны были территории на востоке, которые сами просились под опеку «белого царя».

Тему эту заострили в 20-е годы XX века русские историки в эмиграции⁹, а подхватили коллеги за рубежом. На основе их изысканий возобновились идеи евразийства – особого пути России, ориентированной на Восток. Евразийский настрой у нас время от времени ещё с XVIII века возвращается, в основном обнажая реакцию разочарования в Европе, «не помогающей нам» и «нас не любящей»... А.И.Солженицын считает, что в наши дни даже усилилось восприятие евразийства¹⁰, но полагает это как «отказ от русского культурного своеобразия»¹¹, отказ, мешающий ответственно отнестись к губительным проблемам общества.

⁷ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. Пер. с фр., под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. II / Пер. О. Гринберг, В. Мильчиной и С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 172.

⁸ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России: (Заметки историка) // Наука и жизнь. 1988. №10. С. 92—105. Нельзя здесь не заметить, что автор нередко односторонне показывает историю России, когда упрекает русских то в «малой буржуазности», то в общей «неразвитости», получается, искони присущей. – В.Н.

⁹ См., напр., кн.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

¹⁰ Солженицын А. Россия в обвале. 2-е изд. М.: Русский путь, 2002. С. 44.

¹¹ Там же. С. 45.

Впрочем, для конкретно-исторических рамок разговора надо ещё уточнить, что Московская Русь находилась под властью Золотой Орды с конца XIII по XV век. К XIV веку монголы из шаманистов обратились в мусульман, что совсем не изменило взаимоотношений. Правда, Русская православная церковь канонизировала некоторых ханов, например, одного под именем Петра, хотя монголы, судя по всему, не придавали этому особого значения.

Но весьма наглядное представление о смутном времени золотоордынского ига даёт почерпнутая нами из различных справочных источников история происхождения государственного герба на Руси.

Двуглавый орёл придуман в Византии после соединения Западной и Восточной Римской империи, и тогда римский орёл обретает две головы. В геральдике (гербоведении) эта фантастическая гербовая фигура впервые появляется в XIII веке, а потом на монетах Людвига Баварского 1330 года и гербах бургграфов Вюрцбургских и графов Савойских. Государственную эмблему чёрного орла с двух золотых головах потом с XV столетия приняла Священная Римская (Германская) империя, а после её падения – Австрия. Овдовевший великий князь Иоанн III Васильевич ввёл этот герб после своего брака с племянницей последнего византийского императора, свергнутого турками, Софией Фоминичной Палеолог в 1472 году. Невесту московскому князю рекомендовал папа Римский, надеявшийся на развитие дружественных связей с Московией и присоединение к себе Русской православной церкви. Великая княгиня София действительно повлияла на политику Руси: не без её настояния Иоанн III перестал платить дань хану Золотой Орды Ахмату, и тем самым окончательно прекратил прямую зависимость от кипчакского Сарая, а кроме того, впервые на восточной Руси окружил свой двор блеском и величием, тем самым отказавшись от скорее самоуничижительного, чем скромного, пребывания московского правителя на троне. Прежде великие князья жили почти вровень с подданными, трапезничая за дощатыми столами, пия из деревянных ковшей, и манеры у них были весьма простыми.

До этого гербом московского государства был белый конь на красном поле. После Куликовской битвы на коне воссел Святой Георгий, поражающий змея. При Иване III же московский герб переместился на грудь двуглавого греческого орла, на крыльях которого поместились гербы стран, входящих в состав Московской Руси.

Таким образом, двуглавый орёл на Русь пришёл благодаря Папе Римскому, а благодаря, по-видимому, его протезе Софии Москва освободилась от золотоордынского ига, и главное – частично избавилась от рабского сознания, хотя так и не приблизилась к Риму. Но и не исключено, между прочим, что так называемая «византийская» роскошь при московском дворе внедрилась не столько с помощью влияния Софии Палеолог, сколько более сильному воздействию ханской ставки. Эти хитросплетения объясняет отчасти американская школа русологов.

Дональд Островски показывает, как в первой половине XIV века русские князья сознательно вводили в Московском княжестве монгольско-кипчакские политические и военные институты, а позже, в соответствии с распространённым в исторической науке понятием «отсроченного влияния», «эффекта отложенного действия», которое ввели русские эмигранты-«евразийцы», проводят «пересадку в Россию монгольской деспотической концепции, которая <...> созревает в России лишь позднее, в XVI веке»¹², то есть, *более чем через столетие* после падения ига.

Московиты прочно заимствовали многое и из монгольских политических, военных, административных и финансовых институтов: возьмём ли почтовую систему («ям»), деление ли войска на пять полков, монгольский таможенный налог, печать («тамга», отсюда

¹² Островски Дональд. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Дж. Маджеска. Пер. с англ. З.Н.Исидоровой. Самара: Самарский университет, 2001. С. 144—145.

и «таможня»), должность сборщика налогов, «казну» ли, монгольский дипломатический этикет¹³, даже пьянство – «Ты меня уважаешь?» – интересовался «не просыхающий» от забродившего кумыса кочевник-захватчик, следя за количеством выпитого. Историкам неведомы случаи путешествия московского князя или его приближённых в Европу, неизвестно и про знакомство их с западными институтами. Однако, судя по летописи, имеются прямые свидетельства о регулярных поездках русских князей в Сарай в качестве подданных¹⁴.

Такое неистовое следование за властными проявлениями покорителей естественным образом породило «антимусульманское настроение» в радикальном крыле Русской православной церкви, проявившееся позднее в присоединённой Казани¹⁵. А впоследствии Московское государство и не улучшало положение мусульманских подданных-татар.

Только это совсем не значит, что, как пишет Чарльз Гальперин, «в правление Петра Великого Россия избавилась от своих монгольских институтов». Разумеется лишь, что «в течение XVII века связи России со степью в целом ослабли, и потребность России в степи значительно снизилась»¹⁶.

Если в католической Испании в начале периода национального строительства происходило массовое изгнание арабов (мавров), правящих там в части провинций с 711 по 1233 годы, то в православной Московии наблюдались незначительные – в сравнении с Испанией – притеснения «татар», как назывались там выходцы с Востока.

Действительно, в Московии дела обстояли по-другому, чем на юго-западе Европы. Историософия говорит нам, что не только верноподданнические чувства сыграли роль в государственных установлениях, влияние оказалось более глубоким, даже на бытовом и мировоззренческом уровне, от чего избавиться уже не просто. Официальных свидетельств тому не так много, потому что имела место некоторая княжеская «стеснительность» и общая уязвлённость ролью покорённых пасынков Европы (об этом говорит, например, «стандартный негативный образ татар в русских источниках»¹⁷, а вот в Испании, особенно в Кордове, сохранились арабские исторические памятники и мечети, а также мусульманская вера у части испанцев).

Зато есть некоторые разрозненные летописные источники, говорящие о том, что, например, в 1340 и 1354 годах «все князи Руссии были тогда во Орде». А поскольку сыновья великих князей к тому же обязаны были оставаться в Сарае в качестве гарантов благонадёжности своих отцов, то, приходя затем к кормилу власти (разумеется, исключительно с ханского благословения), естественным образом перенимали институты, которые на их глазах слаженно работали в Сарае. Ведь московские князья не были знакомы ни с политическими институтами Константинополя, ни с институтами исчезнувшей уже Киевской Руси. На взгляд одного американского русолога Московское княжество и Киевская Русь обнаруживают некоторые сходные черты, «но ещё больше имеют различий»¹⁸.

Несмотря на то, что большинство историков полагает, что боярская аристократия представляла собой частицу политического наследия Киевской Руси, значительная часть исследователей убеждена, что московское государство и его элита сформировались в первой половине XIV века. Их доводы заключаются в том хотя бы, что в московских родословных книгах изображены «бояре XIV века на вершинах родословных схем, от которых книзу распространялись многочисленные ветви и поколения»¹⁹. И действительно, бояре периода монгольского и после-

¹³ Гальперин Чарльз. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская русистика... С. 86.

¹⁴ Островски Дональд. Монгольские корни... С. 156—157.

¹⁵ Гальперин Чарльз. Идеология молчания... С. 89.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 86.

¹⁸ Островски Дональд. Монгольские корни... С. 146—147.

¹⁹ Коллман Нэнси Шилдс. Боярские роды и отношения при дворе: Образование политической системы Московского госу-

монгольского ига – до Петра Великого – предстают неким азиатским племенем наподобие персов: в своих халатах с запахом и кушаком, с длинными, до земли, рукавами, в сапогах с острыми загнутыми вверх носами. Так что Нэнси Ш. Коллман, опираясь на родовые схемы боярских родов, закономерно не видит основания говорить о *преемственности в светских учреждениях* Киевской и Московской Руси. К тому же Древняя Русь не знала таких устойчивых родовых связей (восходящих к Даниловичам), как Московия, созданная уже как независимое государство, но с прочными монгольскими традициями²⁰.

Мы считаем, кстати, что и И.В.Сталин тщательно изучал и всегда учитывал родственные связи своих врагов, например, рапповского руководства, перед тем, как применять к ним репрессии. И тогда уже вместе с репрессированным страдали и его близкие родственники. Этот подход органически свойственен азиатскому и вообще восточному человеку, но и нельзя не учитывать того обстоятельства, что в России он тоже распространён. Так, идеологи советских карательных учреждений творчески развили принцип *родовой ответственности*, учредив, например, целые лагеря и поселения ЧСИР – «членов семей *изменников Родины*» (иногда лишь: «изменников родине [Родине]») ²¹. Впрочем, в Великую Отечественную войну в категорию ЧСИР включались родственники пленных военнослужащих, или перебежчиков, подписавших обязательство служить германскому рейху, если такой документ или его наличие было установлено разведывательными либо контрразведывательными властями.

Родственные отношения побеждённого (то есть, покорённого либо покорённого и восставшего) врага использовались средневековыми захватчиками ещё более изощрённо. Монгольские ханы свои победы закрепляли акцией долговременного морального подавления защитников павших крепостей: на главной площади *прилюдно* специальная команда хана насилывала жён, дочерей, сестёр, невесток князя.

Кстати, от этой психологической акции унижения покорённых, а ещё в результате визгливых команд, которые злобно повторяли русы, намеренно искажая тюркские слова, родилась та матерная лексика, развитей которой нет у других народов. За эту рабскую матерщину, а также за иные примеры неполного подчинения, русы-москвиты карались распространённым способом «секир-башка». Нельзя тут не заметить, что наличие матерщины в современной культурной традиции явственно свидетельствует о сохранившемся у русских людей самоуничижении, смешанного со смутным вольнолюбием. А непонимание истоков этого служит причиной сохранения рабского сознания у многих. Не напрасно матерная лексика наиболее точно называется ещё «бранной». Ведь на поле брани она и уместна, тогда как в быту и в общественных местах она звучит дико и свидетельствует скорее о ненормальности человека, чем о лихости его.

Неудивительно, что от последующих набегов и налогов монгольское завоевание Руси и в экономическом отношении было опустошительным, но и потери, даже для самих захватчиков, тоже оказались разрушительны. Скажем, монголы завоёвывали самые неприступные в Европе древнерусские крепости варварским способом: сваливали во рвы тела и трупы своих павших воинов, по которым восходили на стены крепости.

Впоследствии русские, а тем более советские, полководцы столь же варварски, по «затратному методу», обращались с солдатами, которых вообще у нас не принято жалеть. Можно в подтверждение вспомнить примеры из Великой Отечественной войны – пропускание пехотных частей через минные поля, чтобы по «*обезвреженному*» минному полю прошла военная техника. Или масштабное учение 14 сентября 1954-го года с применением атомной бомбы по «живой силе» на Тоцком полигоне...

дарства // Американская русистика... С. 177.

²⁰ Коллман Нэнси Шилдс. Боярские роды и отношения при дворе... С. 187.

²¹ «Изменник Родины» – неграмотное название предателя; слово «изменник» не присуще русскому языку, употребляется только в глагольной форме, вариант этого слова присутствует в просторечии – «изменщик» – и несёт бытовой смысл. И всё словосочетание представляет грубую грамматическую ошибку, например, по аналогии: «пойду к сестры», «был у сестры». – В.Н.

Тем не менее, монгольский насильственный тип власти вполне добродушен, поскольку основан на безусловном и всемерном подчинении. Насилие и жестокость немедленно проявляются, когда обнаруживается *неполное подчинение* и тем более *самостоятельность*. Такой властный принцип укоренился в Руси не сразу, поскольку здесь всё менялось медленно. Такое *отечественное* устройство власти укоренилось в Московии, уже потерявшей былую зависимость от кипчакских ханов. В чистом виде столь жёсткая структура власти сохранилась в русском блатном мире («пахан» – «брат» (близкий помощник) – воры – «шестёрки»), поскольку воровской типаж такой же кочевник. Но это уже широко развилось в советское и постсоветское время. С Московской Руси знатные кипчаки и «татары» – то есть, представители сибирского, казанского, астраханского, крымского, кавказского ханств, поступая на службу к Великому князю, потом царю, становились чиновниками дворянского звания. Так что основой русского дворянского сословия явилось монголо-татарское чиновничество²², чем русские дворяне, между прочим, всегда гордились.

Мы считаем, что психологический отпечаток монгольского ига на древних русов и их потомков сродни *синдрому заложника* (в психологии и криминалистике – «стокгольмскому синдрому»): захваченные похитителями люди спустя долгое время начинают испытывать к своим мучителям непонятное доверие и даже признательность. После вызволения из плена они с теплотой вспоминают похитителей и стремятся их оправдать.

Вот поэтому спустя время после падения Золотой Орды русские великие князья, по сути все выросшие среди монголов, затем передавшие свой опыт плена сыновьям, невольно начинают устанавливать в своих княжествах и землях кипчакские порядки. Их мировоззрение в основном уже было выношено ранее. Так русы утратили многие культурные и образовательные навыки предков и приобрели новые, кочевнические...

Сложилась новая государственная традиция, которой евразийцы призывают не стыдиться, а признать своей. А вот европейскую традицию, идущую от Древней Руси и исторически искажённую, полагают чуждой и враждебной. Тут и скрывается, пожалуй, корень современной проблемы национального самоопределения. Русские европейцы стремятся стать частью Европы не только географически, но и культурно, а евразийцы не хотят ничего принципиально менять, чтобы сохранить узнаваемые признаки русской нации с сильным монгольским акцентом. Действительно, всего этого у нас вдоволь!

«Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак». Эта народная мудрость ведёт прямое происхождение из нехитрой золотоордынской философии. Рабские взаимоотношения, установившиеся в Московской Руси, стали походить на заповеди. Они в изобилии содержатся в русских пословицах и поговорках: «Работа дураков любит», «Работа не волк, в лес не убежит», «Не делай своего хорошего, а делай моё худое» – это принципы насильственной власти на Руси после хана Батые. Кому же хочется «вкалывать на *чужого дядю*»? А вот всецело подчиняться силе – благое и простительное дело. Для оправдания собственной покорности даже ханов Золотой Орды величали (пусть и хитровато-насмешливо, пусть и ехидно-самоуничижительно) не иначе, как, например, «великий князь всея Руси», а то и «царём». Цари-то московские сажались ханами только для сбора дани! И именно ханы для этого создали централизованное Московское княжество.

О Золотой Орде, тем не менее, в исторической литературе до сих пор пишется скупо и малопонятно, хотя и уважительно.

Свои же крестьяне и смутьяны преследовались вполне по-старомонгольски. Так, нарождающееся общественное движение дворян-аристократов безжалостно пресёк в 1825 году моло-

²² Русские называли «татарами» население Золотой Орды, и, шире, народы, говорящие на тюркских языках. И не только: «В татарских ханствах, образовавшихся после распада Золотой Орды, татарами *именовали себя знатные слои, военно-служилые группы и чиновничье сословие*, состоявшие в основном из золотоордынских татар кыпчакско-ногайского происхождения». – См.: Народы России: Энциклопедия / Указ изд. С. 321. Подч. нами. – В.Н.

дой Николай, точнее, его высшие чиновники. Взять генерала-вешателя Муравьёва, бывшего, как и декабристы, героем Отечественной войны. Но сознание его уже успело сформироваться к военным походам по европейским столицам и ко взятию Парижа. И было оно традиционно консервативным, выходит, промонгольским. Но здесь, впрочем, проявились события и другого порядка: находясь в европейском походе, молодые русские аристократы испытали сильное антимонархическое влияние наполеоновского войска, а главным образом, колониальной идеологии британской империи, насаждавшей на завоёванных пространствах республиканские буржуазные порядки. Новые веяния не стали органичными для русских дворян, делившихся, как и встарь, на франкофилов, германофилов да англофилов; ещё встречались любители мавританской, среднеарабской, турецкой культур. А вот свои крестьяне оставались непонятно чем.

Даже великий проевропейский реформатор Пётр привязал русских крестьян к земле, усилив крепостное право. До него крестьяне легко перемещались вместе с домашним хозяйством и чадами на другое место, благо земля была ничья, пространства нестеснительны. Но только Екатерина попыталась установить «частную собственность на землю», однако, этот закон, банальная дань европейской моде, фактически не действовал и не действует до сих пор. Что, русский человек боится постоянства? Или ответственности? Государство ему в этом в любом случае не помощник. Советская историческая наука (с её явным перекосом в сторону евразийства) вон *стыдилась* истории России, поэтому неудивительны её умозаключения, вдохновлённые марксистскими указаниями. Нельзя не вспомнить вопрос «на закрепление» по истории СССР в школьном учебнике: отчего восстание Ивана Болотникова потерпело поражение? Отвечать на него следовало так: потому, что тогда, в начале XVII века, не было пролетариата... Удивительная, *сказочная* логика: ответь то, не знаю что!..

Глава 2. Русские

Но вообще кто такие русские? До Петра москвиты также собирательно звались русскими (от «русьские»), но это субстантивированное прилагательное так и не стало единственно точным самоназванием, потому что объединило кроме славян десятки ассимилированных угрофинских, тюркских, балтийских (онемеченных славян) и других племён, и ещё всех тех, кто принял православие и признал в конце монгольского ига власть Московского великого князя, к тому же этим прилагательным называется православная церковь, зародившаяся в Киевской Руси²³. И как забыть то, что реформу русского языка в XVIII веке и в дальнейшем подготовила духовная православная школа – в семинариях России родному языку уделялось великое внимание. Конечно же, история русской литературы сопряжена с историей Русской православной церкви, и вместе они сопряжены с историей России, словно это идентичные понятия. Путаница видна обычно в языке, и русский язык – очень конкретное явление – так и не определил со всей внятностью, что есть *русский* человек, а что есть *российский*, и ещё почему это слово прилагательное (по сути описательное и собирательное), но не существительное.

Вряд ли есть энциклопедический справочник, в котором мы найдём ответ на этот многогранный вопрос. Возьмём, например, энциклопедию «Народы России». В статье о русских бегло сказано о том, что они как народ складывался в XIII – XIV веках²⁴, то есть *при монголах*, но довольно большая часть пространной статьи (на 37 страницах) описывает историю восточных славян, формы кокошников, разнообразные крестьянские костюмы, промыслы, избы, еду, быт, а вот о том, что именно *русские* создали хотя бы в XIX веке в искусстве, промышленности, государственности, ни слова не говорится. Как и о том, какие же всё-таки исторические процессы происходили в XIII – XIV веках.

Поневоле тут вспомнишь Н.В.Гоголя, обронившего как раз по подобному поводу, что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. По счастью, русские как нация подробно показаны в русской классической литературе, и это было её декларированной целью, если верить литературным критикам и самим писателям. Гоголь писал о Пушкине в 1832 году: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. <...> Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»²⁵. Слышится явное очарование национальными признаками литературы.

Критик А. В.Дружинин, неоднократно признававшийся в любви к России и русскому народу, – («...я не могу не любить России») – высказывает в «Дневнике» рассудочное суждение об этом предмете: «Я далёк от патриотизма, и это не моя вина. Что же делать с моей натурой, слабой, холодной и эгоистической, с аксиомами, подобными следующей: там моё отечество, где мои идеи?»²⁶. И это всегда чудесно, когда человек задумывается над этой темой! Он становится

²³ Название варягов «русь», обосновавшихся среди славян, впервые упомянуто в летописи в середине IX века. Русы представляли собой смешение разных племён, прежде всего кельтских. Славяне тоже вбирали в свою культуру, ассимилируя, многие племена, присоединённые или покорённые, в продолжение всей своей истории. – См. об этом в кн.: Перевезенцев С. В. Смысл русской истории. М.: Вече, 2004. С. 60–65.

²⁴ Тишков В. А. Русские // Народы России: Энциклопедия... С. 293.

²⁵ Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // он же. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. VII. С. 260.

²⁶ Алдошина Н. Б. А.В.Дружинин (1824—1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: Монография. Самара, СГПУ, 2005. С. 357.

думающей личностью, озаботившейся не столько тем, что она имеет свои идеи, но и тем, что эти идеи имеют какое-то конкретное происхождение.

И всё-таки остаётся недоговорённость и *идеология молчания*. Довольно эмоционален А.И.Солженицын в этом вопросе: «Отупение в собственном языке уже давно увело нас от выразительных слов „руссы“, „русичи“, а именование „великороссы“ нам теперь и не по шапке»²⁷.

Не в том ли гений В.Г.Белинского, что он первый увидел собственное лицо у Пушкина и Гоголя, и даже потребовал у других писателей *натуральной* сути? Вы же русские писатели, так пишите о своём народе! – призвал он, осудив подражательность и эстетическую зависимость от зарубежных образцов. Гоголь наиболее всех отвечал идеалу великого критика, поэтому в Гоголе критик увидел «натуральную школу» – по нашему пониманию, то, что следовало национальной *натуре*. Кстати сказать, марксистская традиция понимала «натуральность» по-иному, то есть, как жанровая особенность произведения, усиление его социальности²⁸, а то иногда даже как «натурализм», требующий реализма... Иными словами, преобладало формализованное представление, ограниченное только сталинской формулировкой начала 1930-х: «строго правдивым изображением действительности»²⁹.

Полагаем, впрочем, что о национальной самобытности русской культуры задумались и заговорили военные в период Отечественной войны 1812—14 годов, но красноречивых письменных свидетельств того мало осталось, кроме разве что классической комедии «Горе от ума» А.С.Грибоедова, ходившей в списках и широко изданной и глубоко осмысленной критикой только через сорок лет. Белинский же, не оценив поначалу значения грибоедовской пьесы, поставил тогда ясную проблему *самосознания русских*, написав о сочинениях А.С.Пушкина, а потом открыв читателю *самобытность* художественного мира Н.В.Гоголя.

И тотчас за рубежом появилось опровергающее суждение: «Призвание русских – переводить европейскую цивилизацию для азиатов. <...> Россия – общество подражателей, а всякий, кто умеет лишь копировать других, неизбежно впадает в карикатурность»³⁰.

И вот спустя без малого двести лет появилось мало кем замеченное признание, которое дорогого стоит, в силу своей несомненной спонтанности. Это неожиданное, но и понятное, покаяние принадлежит председателю Форума переселенческих организаций Лидии Графовой: «Мы виноваты перед русскими беженцами из Чечни. Мы – это в целом правозащитное движение. Именно с нашей подачи общественное сострадание замкнулось только на чеченцев. Это, наверное, заскок демократии – поддерживать меньшинство даже ценой дискриминации большинства, <...> в 93-м <...> русские из Грозного <...> рассказывали, как каких-то старушек чеченцы душили шнурком из утюга <...>. А мы тогда занимались армянами из Баку <...> я почувствовала, что это самые несчастные люди на свете. А с русскими я этого почему-то не чувствовала. Не знаю, может, недостаточно громко кричали?»³¹.

Русские крестьяне почти поголовно и всегда были крепостными. Откуда у них могло появиться самоуважение? А советской власти кстати подошли покорные граждане. Самых активных и гордых она извела в гражданскую войну и в коллективизацию 1929—30 годов, а ещё во время карательных рейдов и «чисток» преимущественно 20-х годов. Поэтому признания некоторых правозащитников встречает понимание этой реакции, но и понимание того, что они и все мы плохо знаем русский народ. Никогда русские не голосили, добиваясь быть услышанными – они предпочитают перетерпеть. Можно удивляться по этому поводу, но это

²⁷ Солженицын А. Россия в обвале... С. 173.

²⁸ См., напр.: Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе. М., 1965. С. 13; он же. Натуральная школа: Статья // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 238.

²⁹ Кулешов В. И. Натуральная школа: Статья // Литературный энциклопедический словарь. Там же.

³⁰ Кюстин А. де. Россия в 1839 году... Т. II. С. 324.

³¹ Соколов-Митрич Дмитрий. Забытый геноцид // Известия. 2005. 31 января. С. 5.

так. И потому европейские правозащитные организации тоже неадекватно воспринимают русских и Россию, видя их не столько страдающими, сколько источником страдания: не жалуются ведь!..

Стоит учесть, напоминает Солженицын, что русские в Российской империи не были, как англичане, властвующей «имперской нацией». Русское крестьянство не имело «прибыли» или привилегий от империи, напротив, в полной мере «несло гнёт государственного тягла – своими жизнями платило и за петровские стройки, и за императорские войны (многие нации России в армию не брали); крестьянство протащило на себе и крепостное право, и обделённость землёй»³².

Впрочем, нам в отсутствие громких стенаний видится гордость и моральная сила. Хотя и безразличие, хотя и историческая усталость. Но всё равно русским совсем необязательно помогать, словно беженцам – они же на своей земле. Более важно их понять, знать их историю. Ну хотя бы почитать Ивана Андреевича Крылова – «Большинство произведений Крылова <...> национальная быль, одинаково затверженная дедами и внуками, ярко расцветившая собою наш обыденный разговор, – вот что сделалось любимым достоянием русского народа»³³.

Точнее сказать, для начала русские сами должны знать свою историю, чтобы эмоциональное самоощущение дополнить логическим и фактическим. Ведь русскость, как ничто другое, – это прежде всего не кровь, а *состояние души*, не напрасно ведь в Российской империи всякий православный подданный считался русским. Так что если вы негр, но любите русский язык, людей, их историю, природу и хотите быть русским, то вы – русский. Вас с большой долей вероятности окружающие признают таковым, а ваши дети, воспитанные в русской культуре, без всякого сомнения будут считаться русскими. Ведь далеко не все русские являются этническими славянами, среди народа много потомков угро-финских, тюркских, германских племён, а то и цыган, евреев. И вообще среди народов мира более-менее этнически чистыми являются лишь некоторые кельтские, африканские, южно-азиатские, австралийские и новозеландские.

Солженицын прокомментировал этот вопрос очень внятно: «В конце 1919, в предгибельном отступлении Добровольческой Армии, генерал Пётр Врангель воззвал к ней: „С нами тот, кто сердцем русский“. Точнее не скажешь. Национальность не непременно в крови, а в сердечных привязанностях и духовном направлении личности»³⁴. В русской же культуре и государственности Российской империи, например, огромную роль сыграли немцы, потомком которых был тот же генерал Врангель, так что без них русские воспринимались бы по-другому. Уже не раз было отмечено, что трудно было найти большего русского патриота, чем дворянин с немецкой фамилией.

Так вот поэтому история любой страны прежде всего *национальна*, а не *этнична* и уж тем более не *классова*. Ведь в странах живут нации и народы, а не только социальные группы, религиозные сообщества, многоуровневые сословия. Поэтому национальные интересы сплочённой нации более устойчивы, чем социальные или религиозные. Так, обнищавшие англичане и лютеране однажды отправились из Европы в Северную Америку для новой свободной жизни. Их объединила реформаторская, протестантская идея устройства жизни, в результате чего они создали новую нацию – американцев. Именно нацию, а не религию, церковь или социальное формирование. Многие культурные привычки остались европейскими, лишь изменились в новых условиях, притёрлись к другим.

Стоит ещё сказать здесь об одной гипотезе, которая всё чаще упоминается по этому поводу. Научную базу под неё подвёл в позапрошлом веке обрусевший немец Е.И.Классен, который полагал, что в основе европейской культуры лежит славянский этнический элемент,

³² Солженицын А. Россия в обвале... С. 113.

³³ Айхенвальд Ю. Крылов // он же. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 46.

³⁴ Солженицын А. Россия в обвале... С. 174.

отразившийся во многих географических названиях с помощью славянских топонимов, перешедших в этнонимы, катойконимы и другие словоупотребления из древнеславянского языка³⁵. Неясны тут, по крайней мере, два обстоятельства: если славяне или праславяне скрывались за другими народами, то откуда появились последние, и может ли отдельный народ многими веками сохранять свою культуру, язык и облик *неизменными*?³⁶

Это маловероятно, потому не зря один шолоховский герой, советский чиновник, мечтал о смешанном мировом сообществе рабочих людей, которые станут «приятно смуглявенькими». Возможно, это и произойдёт, но только не на пролетарской, а на национальной основе. Ведь пролетариат, объединившись, перестаёт работать, но примется воевать, бороться с врагами, самозабвенно петь революционные песни. Это мы прошли уже.

Солженицын, обычно говоривший о конкретных вопросах, в основном о русском, напомнил о «сокрушающей стратегии Ленина на полный разгром русского национального сознания (как политического конкурента большевизму)», когда на X съезде ВКПб (1921), объявили «главной задачей партии в национальном вопросе» – борьбу против „великодержавного шовинизма“, который, по Ленину, „в 1000 раз опасней любого буржуазного национализма“. В партийном письме Ленина конца 1922, предсмертном (и зачитанном на XIII съезде вместе с его „политическим завещанием“), значилось среди: „море шовинистической великорусской швали“. Не только не надо соблюдать формальное равенство наций, но осуществить „такое [е] неравенство [о], которое возмещало бы со стороны нации угнетающей“, „так называемой `великой` нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда)“, – возмещало бы, что можно получить с неё в пользу наций малых. <...> В идеологическом пространстве подвывал и Луначарский: „Идея патриотизма – идея насквозь лживая“; „преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено“»³⁷.

Это не единственный в истории пример столь радикального отношения к русской культуре. Любопытно и то, мы это свидетельствуем, что Ф.М.Достоевского в западной русистике сейчас принято называть в первую очередь не романистом и не выразителем национального сознания, а *националистом* и *ксенофобом*, то есть, писатель постепенно стал оцениваться не по профессиональной принадлежности, а по взглядам. Вполне возможно, что художественная литература совсем не обязана что-то отражать и нечто внушать читателю, но на стадии её становления возможно всё, и тем более в России, где других наиболее эффективных форм общественной жизни сроду не имелось. Потому ничего особенно возмутительного или неприличного в *гуманистической* русской классической литературе нет и отыскивать безнадежно. Мы, правда, можем привести массу примеров саркастического отношения отечественных писателей позапрошлого века к иным национальностям. Но не меньше подобного есть, например, во французской литературе того же периода, что объясняется всегдашним общим политическим курсом стран на национальную самобытность и тогдашним прямолинейным её пониманием. При этом русская литература появилась с Ломоносовым и Пушкиным, а французская – на несколько веков раньше.

³⁵ Классен Егор. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славянов-Руссов до рюриковского времени в особенности с лёгким очерком истории руссов до Рождества Христова. Выпуски 1—2. 1854—1861. М.: Белые альвы, 1999. 320 с.; илл. Ср.: Мурад Аджи. Кто убил русского царя? // Литературная Россия. 2005. 27 мая. №21. (2203). С. 12 – о том, что корни европейской и русской культуры и власти – сугубо тюркские.

³⁶ Теория цивилизаций по Н.Я.Данилевскому неизменность как раз утверждает как главный признак. См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Известия, 2003. 607 с.

³⁷ Солженицын А. Россия в обвале... 133—134.

И в плане поиска реалистичных подходов к национальному наследию показательна полемика о российской (русской) государственности между П. Струве и В. Жаботинским на страницах 1-й книжки журнала «Русская мысль» за 1911 год. Жаботинский в статье «Еврейство и его настроения» размышляет: не ведут ли пути развития России к «государству национальностей»? Нет, отвечает ему Струве, поскольку «Россия государство национально-русское», то и государство должно быть национальным.

Неверно, возражает ему Жаботинский, «народность, язык которой называется русским, составляет, по несомненно преувеличенным данным переписи 1897 года, всего 43 процента населения империи. Это много, но этого недостаточно для того, чтобы остальные, „инородцы“, добровольно согласились на роль бесплатного приложения к великорусской народности».

«Что же такое Россия?», – настойчиво спрашивает Струве. Повторив свои мысли о национализме и русской культуре, он поставил культуру выше государственности и «отверг определение «великорусский» как обособляющее лишь одну часть русского народа, в состав которого он включал и «малороссийскую» и «белорусскую» стихии. По Струве, «русская культура – это та сила, которая творит и делает нацию. Культуры других народов России не могут быть противопоставлены русской культуре «как объективно равноценные силы». Воплощение в жизнь тезиса о «множестве культур, так сказать, одного роста» будет ненужным распылением сил и средств, что скажется на общем подъёме культуры»³⁸.

Заметим, что именно эта мысль Струве нашла историческое подтверждение, когда в 1991 году сформировавшееся «множество культур» «одного роста» инициировало создание ряда независимых государств, что само по себе тогда явилось нормальным явлением, но вместе с тем вмиг и безболезненно развалило Советский Союз, за единство которого за полгода до этого проголосовало в референдуме большинство граждан. Такие внезапные события не могут не служить поводом для глубоких раздумий, но и усугубляют саму проблему. Да и в результате тех исторических метаморфоз вопрос самоназвания в России несколько прояснился.

Мы можем отметить только то бесспорное обстоятельство, что на рубеже второго и третьего тысячелетий стало устанавливаться два значения слова «русский» – как *народ* и *национальность* и как *нация*. В последнем случае это понятие давно употребляется за границей.

На хозяйственно-бытовом уровне особенности культуры обычно видны, и теперь ещё проявляются в организации повседневной жизни, труда, поведения, одежды как оболочки человека.

Изба не только жилище для крестьянина, но и центр его хозяйственной деятельности, его социальной активности. Поэтому **русскую избу** логичнее определить как жилищно-хозяйственный комплекс земледельца (ЖХЗ). И что важно отметить, это социально-культурное явление перерастает своё узкоспециальное назначение, в своём национальном и хозяйственно-бытовом смысле. Ведь в русской избе росли и жили веками представители всех народов России, она сохранила в суровом климате подавляющее большинство своих национальных культур.

Прежде всего, нужно отметить, что ЖХЗ сформировался в условиях самого сурового климата, ведь центральная Россия, или Среднерусская равнина, находится в районе рискованного земледелия, где среднегодовая температура —5 градусов. В Канаде и Скандинавии, которые нам недобросовестно любят ставить в назидание, гораздо теплее, —2—3 градуса, потому что в этих мировых регионах течёт Гольфстрим, да и люди там селятся больше всего в южных районах.

³⁸ Гапоненков А. А. Журнал «Русская Мысль» 1907—1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 152—153.

Поэтому урожаи в Европе и Северной Америке всегда были «сам-7» – «сам-9», а вот в России – не выше «сам-3» (имеется в виду, что одно **семечко**, брошенное в пахоту, давало от двух до девяти семечек урожая). Сейчас мало что в этом изменилось, потому приходится семь месяцев отапливать жилища и рабочие места, а вот урожай может и не удался. Скот тоже не может долго пастись на пастбищах. Кроме того, в России нельзя рассчитывать вырастить земледельческие культуры больше, чем за 5 месяцев. Отсюда происходит одна важная черта русского характера: уметь быстро и сноровисто выполнять тяжёлую работу.

В таких условиях **русская изба** здорово выручает, потому что это уникальное строение укрывает от любой непогоды, холодного климата, да ещё позволяет кормиться великолепной едой и спасает скот от морозов и голода.

Изба ставится быстро, но стройматериалы следует готовить заранее. В противном случае жилище долго не простоит: его изъест жучок, разрушит плесень, погубит огонь. Потому следует подобрать древесину, обработать её, подогнать по параметрам и затем уж строить дом. Обычно основой избы становятся **сосны** со здоровой древесиной и корой. Нижняя часть ствола идёт на дом, а верхняя на **баню** и хозяйственные постройки.

Но перед этим брёвна подвергаются обработке. Издревле, стесав кору, их на несколько месяцев закладывали в яму с солёной водой. Потом перекладывали в другую яму с растопленной **смолой**. Либо обрабатывали на земле, поливая горячей смолой. Если высохшие брёвна, при постукивании **обушком**, звенели, они признавались годными. Их не брали ни жучок, ни плесень, ни огонь. При самой тщательной обработке дерево становилось наиболее надёжным материалом: прочным, «дышащим», стойким к воздействиям окружающей среды. Избы из **лиственницы**, построенные в XVIII в., как правило, стоят до сих пор.

Пока шла обработка дерева, на месте постройки избы возводилась **русская печь**. Её лучше всего мог соорудить потомственный **печник**, знающий, как провести **дымоход** и **вытяжки**, как построить **топку** со **сводчатым потолком**, как потом наиболее ловко чистить спиралеобразный дымоход. Как только печь была готова, можно было возводить жилище.

Русские избы всегда отличались большим разнообразием конструкций, это избы с небольшой жилой частью (с **двускатной крышей**), **шестистенки** либо с несколькими комнатами (с **крышей четырёхскатной**), двух- и трёхэтажные, с **большими** и **малыми сенями**, с **погребам** и **ледниками**, или **подполом**, **трубчатым** или **шахтным колодцем** и проч. Можно насчитать десятки типов, главные среди них – северные избы с большими сенями и пристроенным **скотным двором**, иногда на **сваях** (жилище **охотников**, **кустарей**), и простые **пятистенки** (жильё бедных или одиноких крестьян). Классическая изба центральной России – это двускатная пятистенка с большими сенями, в ней могла жить и зажиточная семья с огромным хозяйством во дворе. В любой избе могла уместиться большая семья из трёх поколений – в тесноте, да не в обиде, – но крепкий мужик со взрослыми сыновьями был в состоянии отстроиться попросторнее. Кстати, в помощь таким семьям до сих пор в России существует закон о бесплатном предоставлении 150-ти кубометров добротного леса для жилья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.